

На первом занятии в Академии Лулинь новобранцы ловили каждое слово наставника. Все понимали, какая им выпала честь, и лишь Сэ Чанмин с Шэн Лююем, сидевшие за одной партой, откровенно маялись дурью.

Парта Сэ Чанмина ютилась на самом заднем ряду, и единственным его соседом был слепой юноша, Шэн Лююй.

Перевернув страницу, Чанмин неторопливо повернулся и принялся в открытую разглядывать соседа. Шэн Лююй не мог полноценно учиться, не мог и просто встать и уйти, а дремать у всех на виду не позволяла гордость — негоже божественной птице терять лицо. Спасаясь от томительной скуки, он вертел в руках случайно найденный цветок.

Юноша спрятал его в ладони. Махровый цветок красной сливы упал с ветки совсем недавно. Он ещё хранил дыхание стужи и не успел согреться весенним теплом, а потому в полуслепых глазах Шэн Лююя его очертания проступали с удивительной чёткостью.

Подперев голову левой рукой, Лююй склонился над партой, а в правой бережно держал цветок, словно пряча от чужих взоров.

Чанмин заметил, как юноша едва заметно улыбнулся бутону — мимолётно, чуть прижав кончики губ. Улыбка вышла на редкость красивой. Окажись Чанмин чуть дальше или не смотри он на соседа сверху вниз, ни за что бы её не поймал.

Сэ Чанмин знал, что духовные звери живут веками и взрослеют гораздо медленнее людей. При одинаковом количестве прожитых лет их разум часто остаётся детским. Птица Чанмин — существо божественное, способное без всякого самосовершенствования прожить три тысячи лет. По этим меркам пятнадцатилетний Шэн Лююй казался несмышлёным птенцом, едва-едва выбравшимся из скорлупы.

Любые детёныши обычно несносны: они брызжут энергией, требуют внимания и вечно шумят. Однако Шэн Лююй держался на людях на удивление чинно, холодно и неприступно. Он никого не донимал расспросами, не искал компании и, оставаясь один в своём дворике, лишь мирно спал, прислонившись к стволу платана. И всё же тоска на занятиях взяла своё — даже простой цветок стал для него целым миром.

Положив сливу на деревянную столешницу, Лююй едва коснулся лепестка кончиком пальца. Цветок вздрогнул, словно от слабого дуновения ветра, и внезапно ожил. На глазах потянулись тонкие зелёные побеги, усыпанные крошечными почками. Стоило юноше указать на любую из них, как бутон мгновенно распускался. Вскоре на парте лежала пышная, благоухающая ветвь, словно только что срезанная в саду.

Сэ Чанмин опешил. На мгновение ему показалось, будто его сосед способен обращать вспять время и повелевать самой жизнью. Но даже для божественного создания подобная мощь была бы за пределами.

Приглядевшись, он понял: это всего лишь морок. Такой же, как и кусты роз, преграждавшие путь накануне. Искусство иллюзий считалось стезёй редкой и капризной — оно давалось лишь тем, кто обладал врождённым даром. Без истинного мастерства от него не было никакого прока в отличие от владения мечом или саблей, где базовых приёмов хватало, чтобы разить нечисть направо и налево.

Обмануть зрение не так уж трудно. Куда сложнее сотворить осязаемую иллюзию. А ведь созданные Лююем ветви сливы можно было взять в руки, его шиповник действительно не пускал чужаков в дом, а листья платана удерживали брошенный клочок бумаги.

Пожелтевший платан посреди весны — зрелище диковинное. Но раз уж их соседка Жуань Люся сумела сотворить в саду защитное поле, то и для Шэн Лююя это не составило бы труда. Однако соткать из одного лишь воздуха целый фальшивый двор под силу только величайшим мастерам иллюзий. Именно поэтому Чанмин не сразу догадался, что вся усадьба вокруг них была лишь искусным обманом. Божественная птица полностью оправдывала своё имя — её точно не стоило недооценивать.

Вот только грозный потомок великого рода тратил свой редчайший талант не на великие свершения, а на забавы во время скучной лекции.

Сэ Чанмин тихонько вздохнул и наконец перевернул страницу.

Наставник объявил пятнадцатиминутный перерыв, после которого должно было начаться введение в теорию магических массивов.

Адепты то и дело косились на странную парочку на задней парте, но подходить не решались, скованные приличиями и опасениями.

Зато Чэнь Ибаю скромность была неведома. Считая, что права сожителя дают ему некоторые поблажки, он бесцеремонно подсел ближе и зашептал:

— Брат Сэ, вы ведь с этим молодым господином Шэном вроде как на ножах были? С чего вдруг решили сесть вместе?

— Мы в академии без году неделя, — невозмутимо отозвался Сэ Чанмин. — Откуда взяться вражде?

Не отрывая взгляда от соседа, Чанмин заметил, как тот мгновенно отреагировал на чужое присутствие. Лююй взмахнул рукавом, развеивая призрачную ветвь. На ладони остался лишь настоящий цветок, который он тут же бережно спрятал в кулаке. Юноша явно не понимал, кто к ним подошёл и чего ради.

Чэнь Ибай нахмурился, усиленно соображая. Заметив, что Шэн Лююй отвернулся, он вывел

пальцем на пыльной столешнице: **[Он заставил тебя? Пользуется своим положением?]**

Эта мысль, подкреплённая его собственными былыми обидами, заставила Ибая сочувственно вспыхнуть. Забыв о всякой осторожности, он с силой грохнул ладонью по столу.

Шэн Лююй, чья ладонь по-прежнему сжимала бутон, испуганно вздрогнул от резкого удара. Скрытый за барьером тишины, он не слышал разговора и понятия не имел, кто подошёл к их парте. Для него этот внезапный грохот выглядел так, словно рядом объявился буйный сумасшедший.

Досадливо поморщившись, Чанмин решил поскорее избавиться от назойливого сожителя.

— Вовсе нет, — холодно ответил он. — Мы с молодым господином Шэном не враги. Просто сидим за одной партой.

Чэнь Ибай снова погрузился в раздумья. Каждая его попытка поразмыслить неизменно приводила к самым диким выводам, и этот раз не стал исключением. Скорбно вздохнув, он перевёл взгляд с Чанмина на Лююя и покачал головой. На его лице отразилась горькая обида: надо же, сосед не просто выделил их общего врага среди прочих, но и умудрился без лишнего шума подлизаться к влиятельному отпрыску великого клана!

— Брат Сэ, я в тебе разочарован, — трагично прошептал Ибай.

С видом человека, пережившего предательство века, он уныло поплёлся к своему месту.

Чанмин лишь равнодушно проводил его взглядом.

Никакой корысти в его действиях не было. Изначально Чанмин вообще не планировал сблизиться со слепым юношей. Но когда тот стоял в дверях класса, растерянно прижимая к груди свитки и не зная, куда приткнуться, он до боли напомнил ему одинокую птицу, лишившуюся родного гнезда.

Должно быть, сказалась привычка: за десять лет заботы о собственном питомце Чанмин невольно привязался ко всему пернатому роду. Будь истинный облик Шэн Лююя кошачьим, лисьим или заячьим, Чанмин и пальцем бы не пошевелил. Он не стал бы накладывать заклятие скрытности, чтобы дать этому маленькому существу хоть какую-то опору в чужом и пугающем мире.

Ему искренне хотелось верить, что и его собственный улетевший питомец где-то там, на воле, отыскал тёплый приют и доброго человека, который позаботится о нём, пока хозяин сбивается с ног в поисках.

С одним цветком долго не наиграешься. Когда раздался призыв к началу второй половины

урока, Шэн Лююй послушно выпрямился, силясь показать, что внимает наставнику. Разумеется, безуспешно.

Наблюдая за его тщетными попытками, Чанмин невольно усмехнулся. Сам он за всё занятие не усвоил ни единого правила, одолев лишь три страницы учебника.

Помедлив, Чанмин извлёк из рукава гладкую нефритовую плашку и тонкий резец. Пальцы привычно и уверенно скользнули по камню, выводя контуры звукозаписывающего массива. Подобное волшебство не отличалось сложностью, но обычно требовало пространства шириной в целую сажень, из-за чего лекари и практики редко к нему прибегали.

К счастью, Чанмин в совершенстве владел искусством ужимать магические плетения до микроскопических размеров.

За три года скитаний по землям Ичжоу он заполнил такими камнями едва ли не каждое ущелье. Чтобы смертные случайно не наткнулись на артефакты и не подняли переполох, Чанмину пришлось научиться втискивать громоздкие знаки в крошечные осколки нефрита, которые он прятал под прелой листвой на горных склонах.

Освоив этот навык, он без труда мог уменьшить практически любую магическую схему.

Не успел резец закончить последний штрих, как Шэн Лююй окончательно потерял интерес к занудному голосу преподавателя и вновь вернулся к своему увядающему бутону.

На сей раз он не стал выращивать новые побеги. Вместо этого юноша бережно поднёс цветок к самому уху. Чанмин отчётливо видел, как нежные лепестки сливы медленно, такт за тактом, распускались и вновь смыкались в бутон.

Вновь задействовав морок, Лююй обманул не человеческое зрение, а само растение. Он заставил несчастный цветок поверить, будто тот всё ещё тянется к солнцу на родной ветви, заставил его пережить смену дня и ночи, повинаясь воле хозяина.

Слегка откинув голову назад, Лююй прикрыл веки. Шёлковые пряди соскользнули на плечо, обнажив изящный изгиб шеи. Застыв с цветком у самого уха, он слушал так сосредоточенно, будто действительно пытался расслышать, как распускаются лепестки.

Наконец юноша отнял руку от лица и едва слышно вздохнул, боязливо оглянувшись по сторонам. Развлечение себя исчерпало.

Он до жути напоминал запертого в клетке зверька, который отчаянно пытается увлечь себя хоть чем-то, не смея шуметь. Точно так же в отсутствие хозяина вёл себя Сэ Сяоци.

Когда Чанмину приходилось уходить по делам одному, оставляя питомца под замком, птица

послушно сидела на жёрдочке часами. Но стоило хозяину переступить порог, как Сяоци принимался неистово щебетать и метаться по комнате, переворачивая всё вверх дном.

Любому птенцу нужно внимание. Любую птицу нужно баловать.

С этой мыслью Чанмин скользнул пальцами к чёткам и привычным движением нацепил их на запястье. Заклинание невидимости он снимать не стал, рассудив, что от внимания столь чуткого соседа базовое сокрытие стадии Возведения Фундамента всё равно не укроется.

Расчёт оказался верным. Едва бусины коснулись кожи, как Лююй резко обернулся, уставившись прямо на соседа. Инстинкт заставил его отпрянуть, вжимаясь в край лавки. Он не вскочил на ноги, но несчастный цветок в его кулаке мгновенно превратился в труху, обернувшись веером острых, как бритва, ледяных лезвий. Зажатые между бледными пальцами, они хищно блеснули, готовые сорваться с рук при малейшей угрозе.

Безобидная забава за долю секунды превратилась в смертоносное оружие.

Чанмин замер. В порыве ребячества он совсем позабыл, насколько пугливы птицы по своей природе. Маленькая птица Чанмин перепугалась не на шутку.

И, кажется, Чанмин здорово просчитался.

<http://bllate.org/book/18249/1750587>